

РУССО

Хачик Нишанович Момджян

Французское Просвещение XVIII века

М.: Мысль. 1983. С.129-151

СОДЕРЖАНИЕ КНИГИ

Предисловие

Социально-политические и идейные предпосылки французского просвещения XVIII века

Фонтенель

Мелье

Монтескье

Вольтер

Руссо

Ламетри

Дидро

Гельвеций

Гольбах

Вольней

Марешаль

Французский материализм — один из идейных источников

утопического социализма и коммунизма XIX века

Библиография

Веб-публикация: Martine-Gabrielle и редакторы библиотеки Vive Liberta и Век Просвещения, 2010. Книга выложена по главам, персональная библиография добавлена к соответствующим главам; ссылки для скачивания даны в нашем сообществе и в библиотеке.

Подборка материалов:

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#jjrss>

Среди выдающихся мыслителей кануна французской буржуазной революции 1789—1794 годов особое место занимает Жан-Жак Руссо. Выходец из народа, он познал всю унижительную тяжесть феодальной кабалы, социального неравенства, деспотической формы правления. В поисках куска хлеба скитался по городам и селам Швейцарии и Франции, был слугой, музыкантом, переписчиком нот. . . Он знал, как буйно веселятся во дворцах и как жестоко бедствуют в хижинах. Он мог утверждать, что «горсть могущественных и богатых находится на вершине величия и счастья, тогда как толпа пресмыкается в безвестности и нищете»¹. Руссо с горестью наблюдал, как втаптывается в грязь достоинство целого века, сводятся на нет его дарования только потому, что он родился в семье простолюдина и лишен богатства.

---

¹ Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969, с. 94.

Творчество французского мыслителя отразило предгрозовую обстановку во Франции. В предсмертной агонии феодальный строй насилем и обманом пытался отстоять и увековечить свое существование. Но уже пробил его смертный час. Уходящий строй с неизбежностью должен был уступить место восходящему, исторически прогрессивному буржуазному порядку, который сложился и окреп в недрах феодальной системы. Никакие силы не могли сколько-нибудь долго воспрепятствовать социальному прогрессу. Носившие еще местный характер бунты и демонстрации 40-х годов были первыми зарницами того грозного революционного пожара, который к концу века без остатка испепелил весь строй феодальной эксплуатации человека человеком.

В силу многих причин Руссо — в отличие от Ламетри, Гельвеция, Дидро, Гольбаха — не поднялся до материалистической философии, не освободился от деистических взглядов. Но его суждения по многим социально-политическим проблемам носили вполне радикальный, революционный характер, глубоко и полно отражали интересы и чаяния социальных низов, французского демоса, явившегося опорой якобинской революции.

Более разительными были отличия политических взглядов Руссо от воззрений старшего поколения французских просветителей — Вольтера и Монтескье. Суть этих различий глубоко и образно выразил Герцен: «Вольтер и Руссо — почти современники, а какое расстояние делит их! Вольтер еще борется с невежеством за цивилизацию — Руссо клеймит уже позором самую эту искусственную цивилизацию... Едкие шутки Вольтера напоминают герцога Сен-Симона и герцога Ришелье; остроумие Руссо ничего не напоминает, а предсказывает остроты Комитета общественного благосостояния»².

В 1750 году в связи с вопросом Дижонской академии: «Способствовало ли возрождение наук и искусств улучшению нравов?» — Руссо написал свою первую работу «Рассуждения о науках и искусствах», где дал отрицательный ответ на поставленный вопрос. Конечно, в такой категорической форме подобное заключение противоречило реальным фактам нравственного прогресса человечества. Но в центре внимания Руссо находилась другая проблема: он хотел подчеркнуть противоре-

чивый характер развития цивилизации, ту неоспоримую истину, что на протяжении всего развития классово-антагонистического общества многие достижения цивилизации становились орудием порабощения простого народа. Пять лет спустя Руссо написал вторую свою книгу — «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми». Уже заголовок книги показывает, какие острые проблемы современности волновали ум мыслителя.

Литературная деятельность Руссо была весьма плодотворна. Он написал ряд сочинений по философии, социологии, педагогике, а также художественные произведения. Самое значительное из его сочинений — всемирно известный труд «Об общественном договоре, или Принципы политического права», сыгравший выдающуюся роль в развитии политического сознания широких народных масс.

Как и все французские просветители XVIII века, Руссо призывает к свободе. Крылатыми стали его слова: «Человек рожден свободным, а между тем везде он в оковах»³. Конечно, говоря о свободе и равенстве, Руссо в первую очередь имеет в виду свободу от феодального порабощения и уравнивание граждан перед законом. Но в отличие от многих других представителей антифеодального движения он как бы угадывает, что свобода и равенство могут стать реальностью в результате коренных преобразований не только в области правовых отношений, но и в социально-экономической сфере. Отсюда такой обостренный интерес Руссо к принципу частной собственности, с возникновением которой он связывает исчезновение первоначального равенства и чистоты общественных нравов. Конечно, в свете современных знаний о причинах происхождения частной собственности нетрудно заметить наивный, донаучный характер многих его рассуждений. Но можно ли не проникнуться величайшим уважением к историческому чутью великого мыслителя в понимании разрушительных, антиобщественных тенденций, заложенных в частной собственности!

Предметом ожесточенных нападок Руссо по существу оказалась господствующая феодальная форма собственности. Ограниченный условиями и понятиями времени,

² Герцен А. И. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 3. М., 1954, с. 313.

³ Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права. М., 1938, с. 3.

он не мог возвыситься до требования полной ликвидации всякой частной собственности — этого обязательного условия последовательной свободы и равенства. Руссо удовлетворился лишь мелкобуржуазным принципом эгалитаризма, т. е. требованием наделить всех граждан более или менее одинаковой долей частной собственности. Это были утопические мечты, но нельзя забывать, что в свое время мечты эти носили прогрессивный характер, выражали протест против феодализма и в какой-то степени предвещали идею общественной собственности на орудия и средства производства, уничтожение на этой основе всех форм порабощения человека человеком. В борьбе против феодально-абсолютистской деспотии Руссо страстно отстаивал свой идеал демократического государства, призванного выражать волю суверенного народа, охранять его неотчуждаемые права.

Теория общественного договора в том варианте, который развивал Руссо, не имела научно-материалистического характера. Однако сама идея о естественном происхождении государства, о том, что оно является результатом договоренности между людьми для обеспечения своих прав и своего благополучия, опрокидывала все реакционно-мистические вымыслы феодально-клерикальных идеологов, их попытки обожествления королевской власти.

Указав на благородные и целесообразные стимулы образования государства, Руссо должен был констатировать, что в своем развитии оно превратилось в жесточайшее орудие знати и богачей для порабощения народа, для углубления социально-политического и имущественного неравенства. В процессе дальнейшего развития государство, по мнению Руссо, вырождается в деспотию, которая делает всех равными в бесправии.

Выход из создавшегося положения Руссо видит в революции. С редкой смелостью он обосновывает право народа на свержение власти, ставшей на путь нарушения общественного договора, на путь тирании. В своих трудах, и в особенности в трактате «Об общественном договоре», французский просветитель обосновал систему демократических прав, осуществление которых должно было, по его мнению, знаменовать «идеальное общество», торжество общечеловеческой демократии. В действительности же «государство разума, — общественный договор

подготовившее Великую французскую революцию 1789—1794 годов, не могло, естественно, не обнаружить в определенных границах и в своеобразной форме идею диалектического отрицания, идею восхождения к новому социально-экономическому, политическому и правовому порядку, к новому мировоззрению. Конечно, речь идет об отдельных мыслях и догадках, а не о целостном диалектическом методе познания, сформировавшемся значительно позднее. Проходя различные стадии формирования, диалектический метод не мог сразу достигнуть своей высшей ступени без постепенного, эволюционного, развития, без перехода от первоначальных разрозненных догадок и предположений к стройной системе взглядов. Важнейшие, порой блестящие диалектические мысли — в особенности у Дидро и Руссо — не могли еще разрушить господствовавший в ту эпоху метафизический метод мышления, но уже вступали в противоречие с ним, расшатывали его. Диалектика Руссо и других французских просветителей XVIII века была закономерной ступенью в становлении научной диалектики.

Определяя материализм XVIII века как в основе своей метафизический, Энгельс неоднократно указывал на возникновение в лоне этого материализма глубоких диалектических идей. Известны слова Маркса о том, что уже «у Бэкона... материализм таит... в себе в наивной форме зародыши всестороннего развития»⁶. Английский мыслитель XVII века близко подходил к пониманию борьбы противоположностей как источника движения. Энгельс высоко оценивал диалектические идеи Декарта и Спинозы. Упомянув Дидро и Руссо, автор «Анти-Дюринга» констатировал, что они оставили нам «высокие образцы диалектики»⁷. У Дидро диалектические идеи с особой яркостью обнаруживаются в сфере эстетической и этической мысли, а в особенности в размышлениях о природе, о материи и движении, о материи и сознании, об эволюции живых организмов и т. п. Диалектическая же мысль Руссо проявилась главным образом в его социально-политических размышлениях, в сфере социальной философии.

Известно, что Руссо не поднялся до последовательных материализма и атеизма, а остался на позициях

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 142.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 20.

своеобразного деизма. Но он попытался объяснить важнейшие исторические события, не апеллируя к сверхъестественным силам. Руссо рассматривал историю человечества как результат деятельности людей, их интеллекта и чувств. Стремление объяснить историю, не выходя за ее пределы, не увенчалось и не могло в ту историческую эпоху увенчаться переходом на позиции материалистического понимания общественной жизни. Но это обстоятельство не помешало французскому просветителю-демократу высказать ряд глубоких диалектических идей об истории человеческого общества.

Трудно указать достоверно теоретические истоки диалектической мысли Руссо. Вероятнее всего, что диалектическое восприятие было обусловлено самой реальной жизнью, до предела обострившимися экономическими, социальными, классовыми, идеологическими противоречиями феодальной Франции накануне революции. И действительно, все пришло в движение. То, что веками воспринималось как вневременное, вечное, неизменное, теперь подвергалось лобовым атакам. Новые идеи и мысли с нарастающей силой теснили канонизированные политические, правовые, этические, религиозные догмы. Нарастало массовое убеждение, что невозможно жить по-прежнему, невозможно мириться с существующим порядком вещей, нужно перевернуть этот негодный, неразумный мир.

Мысли Руссо рождались не столько от чтения книг, сколько от непосредственного контакта с жизнью, с простым народом. Эту мысль хорошо выразил А. З. Манфред. Он писал: «Может быть, прочитанные книги какое-то впечатление на Руссо и произвели — такое предположение вполне допустимо; однако остается несомненным, что основным, главным источником, питавшим систему общественно-политических воззрений Руссо, была прежде всего сама жизнь, окружающий его мир социального неравенства, крестьянской нужды, народных бедствий»⁸.

Руссо рассматривал общественное развитие как возникновение и разрешение глубоких социальных противоречий, как переход от одного качественного состояния к другому через отрицание предыдущей исторической

фазы. Так, на начальном этапе развития — в «естественном», по определению Руссо, состоянии — человеческое общество не знало социальных различий, привилегий и антагонизмов. Все были равны в правах и в бедности. Развиваясь, эта фаза пришла к своему падению, к отрицанию ее другой исторической фазой. Пришедшее на смену «естественному состоянию» гражданское общество явилось полным отрицанием предшествовавшего этапа исторического развития. В новом обществе исчезло первоначальное равенство людей, появились бедные и богатые, подвластные и господа. В гражданском обществе меньшинство получило возможность жить за счет тяжелого и унижительного труда покоренного народа. Как совершился этот резкий переход в истории человечества?

Руссо не дал и не мог дать научного ответа на этот вопрос. Знаменательно, однако, что главную причину исторического скачка, не будучи, правда, в состоянии научно ее объяснить, он ищет все же в экономической сфере, в факте возникновения частной собственности. О коренном переходе от состояния имущественного и социального равенства к неравенству между людьми написаны знаменитые слова Руссо: «Первый, кто, огородив участок земли, придумал заявить: «Это мое!» — и нашел людей достаточно простодушных, чтобы тому поверить, был подлинным основателем гражданского общества. От скольких преступлений, войн, убийств, несчастий и ужасов уберег бы род человеческий тот, кто, выдернув колья или засыпав ров, крикнул бы себе подобным: «Остерегитесь слушать этого обманщика; вы погибли, если забудете, что плоды земли — для всех, а сама она — ничья!»»⁹

Слова Руссо об обманщике и обманутых представляются нам литературным приемом, предназначенным для того, чтобы сделать мысль более доходчивой. В действительности он угадывал более глубокие, объективные причины возникновения частной собственности. Не случайно после приведенных нами слов Руссо делает глубокое замечание: «... очень похоже на то, что дела пришли уже тогда в такое состояние, что не могли больше оставаться в том же положении. Ибо это понятие — «собственность», зависящее от многих понятий, ему предшествовавших, которые могли возникать лишь по-

⁸ Манфред А. З. Три портрета эпохи Великой французской революции. М., 1978, с. 45.

⁹ Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969, с. 72.

степенно, не сразу сложилось в человеческом уме. Нужно было достигнуть немалых успехов, приобрести множество навыков и познаний, передавать и увеличивать их из поколения в поколение, прежде чем был достигнут этот последний предел естественного состояния»¹⁰.

Нетрудно заметить, что приведенные рассуждения исключают мысль о внезапном появлении «обманщика» и «возманных», а также о возможности волевыми усилиями одного человека «выдернуть колья» и «засыпать ров», чтобы покончить с возникновением частной собственности. Появление ее было подготовлено, по мнению Руссо, самим развитием первобытного общества, не знавшего еще деления на собственников и обездоленных.

В поисках причин возникновения частнособственного общества Руссо прозорливо указывает на развитие производительных сил, на создание более совершенных орудий труда. «Искусство добывания и обработки металлов и земледелие, — пишет автор «Рассуждения о происхождении неравенства», — явились теми двумя искусствами, изобретение которых произвело этот огромный переворот. Золото и серебро — на взгляд поэта, железо и хлеб — на взгляд философа — вот что цивилизовало людей и погубило человеческий род»¹¹.

Эти замечательные констатации роли орудий труда, форм хозяйствования, частнособственных отношений, социальных антагонизмов в общественном развитии можно расценить как первые, пусть еще несовершенные, попытки материалистического истолкования общественных явлений. Это обстоятельство не ускользнуло от внимания многих исследователей творчества Руссо, и в их числе А. З. Манфреда, В. С. Алексева-Попова, Ги Бесса.

В попытках Руссо рассматривать историю как процесс перехода от одних специфических состояний к другим можно уловить примитивные еще, но, бесспорно, смелые для своего времени мысли о скачкообразном переходе количественных изменений в новое качество.

Вступая в идейное противоборство с теми, кто желал увековечить существующий строй, Руссо заявляет: «Вы полагаетесь на существующий строй общества, не по-

мышляя о том, что этот строй подвержен неизбежным переворотам и что вам невозможно ни предвидеть, ни предупредить того строя, который могут увидеть ваши дети. Вельможа делается ничтожным, богач — бедняком, монарх — подданным; разные удары судьбы столь редки, что вы можете рассчитывать избежать их? Мы приближаемся к эпохе кризиса, к веку революций»¹². Это не только предвидение и обоснование грядущей революции. Принцип общественного развития на путях скачкообразного, революционного перехода от одной фазы истории к другой является своеобразной методологической установкой Руссо-социолога. Он еще не в состоянии научно объяснить развитие, протекающее диалектическими скачками, но существование этих скачков для французского мыслителя является бесспорным.

В работах Руссо с достаточной ясностью выражена идея восходящего развития истории, идея социального прогресса. При всех глубоких симпатиях к «естественному состоянию» Руссо достаточно отчетливо осознает невозможность попятного развития, возвращения к пройденным историческим ступеням. Он понимает, а чаще угадывает, что совокупность признаков гражданского общества при всей социально-нравственной их неприемлемости для Руссо — необходимый этап в восходящем развитии человечества. Диалектическая мысль Руссо достаточно отчетливо сказала в понимании противоречивости этого процесса.

Идеализируя «естественное состояние», оплакивая утраченные людьми «свободу и равенство», выступая против плодов цивилизации, против «развращающего влияния» науки и искусств на нравы людей, Руссо не мог, однако, не признать, что с утверждением гражданского общества человечество все же в каких-то очень существенных, необходимых аспектах совершило восхождение по ступеням истории. В «Анти-Дюринге» Энгельс отметил: «Учение Руссо в первом своем изложении почти нарочито выставляет напоказ печать своего диалектического происхождения»¹³. Разъясняя свою мысль, Энгельс указывает, что и в самом возникновении неравенства Руссо усматривал прогресс, понимая его антагонистический характер.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, с. 79.

¹² Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или О воспитании. М., 1911, с. 268.

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 143.

Подчеркивая все бедствия, связанные с переходом от «естественного состояния» к обществу, разделенному на противоборствующие социальные силы, на бедных и богатых, на управляемых и правителей, отмечая жестокие и несправедливые условия существования подавляющего большинства людей, Руссо не мог одновременно не заметить процессы иного порядка. Человечество вооружилось более совершенными средствами создания материальных благ, увеличило свою власть над природой. Люди расширили посевные площади, увеличили производительность труда, начали собирать урожай, немыслимые при старых орудиях труда и старой его организации. Исчезли убогие хижины, одежда, шитая из шкур зверей с помощью «древесных шипов или рыбьих костей». Прошли времена, когда люди «выдалбливали с помощью острых камней какие-нибудь рыбацьи лодки или грубые музыкальные инструменты».

Противоречивый характер исторического прогресса, перехода от «естественного состояния» к гражданскому обществу, несоответствие возросших производительных возможностей людей жалкой участи подавляющего их большинства Руссо выразил в следующих словах: «...исчезло равенство, появилась собственность, труд стал необходимостью; и обширные леса превратились в радующие глаз нивы, которые надо было орошать человеческим потом и на которых вскоре были посеяны и выросли вместе с урожаем рабство и нищета»¹⁴.

Осознание того факта, что возникновение классового общества несет неисчислимые бедствия, расширение и углубление неравенства, не привело Руссо к пессимистическим выводам. Немаловажное значение для сохранения социального оптимизма имел исторический взгляд Руссо на ход общественного развития. Он был далек от того, чтобы царившую в его время безотрадную картину считать неизменной и вечной. Напротив, диалектический взгляд на историю позволял Руссо делать выводы, очень далекие от социального пессимизма. Не случайные обстоятельства, рассуждал Руссо, а внутренние противоречия с исторической неизбежностью привели к падению «естественного состояния» и победе гражданского общества, которое в свою очередь исполнено еще более острых противоречий.

¹⁴ Руссо Ж.-Ж. Трактаты, с. 78.

Согласуется ли сказанное с известным призывом Руссо вернуться назад, к природе, от уродующей человека цивилизации?

В рассуждениях Руссо содержится немало противоречивых идей и оценок. На этом основании многие исследователи считают Руссо ретроградом, зовущим к идеализированной им дикости. Такие оценки Руссо высказывались еще при жизни, причем не только реакционерами, но и отдельными просветителями, обеспокоенными тем, что Руссо выступает как против феодального строя, так и против формировавшегося буржуазного порядка. Не удержался от язвительных замечаний и патриарх Просвещения Вольтер.

Внимательное изучение работ Руссо приводит к выводу, что его призывы вернуться к «идиллическим отношениям» прошлых веков, к исходным принципам «естественного состояния» были преимущественно средством развенчания всех форм социального неравенства и порабощения человека человеком. Исследование текстов Руссо убеждает, что он мечтал о новом «естественном состоянии», о новом «золотом веке», о новой форме собственности.

Конечно, эгалитаристский идеал Руссо, его мечты о реальном равенстве и свободе людей не могли реализоваться в условиях, когда на повестке дня стоял переход от феодализма к исторически более прогрессивному капитализму. Заметим, что эгалитаризм Руссо и другие его мелкобуржуазные идеалы и мечтания не могли когда-либо стать реальностью. Однако это обстоятельство не может перечеркнуть революционный потенциал и движущую силу идеалов наиболее поработанных социальных слоев кануна Великой французской революции, идеологом которых оказался вдохновенный Руссо. Его творчество служило историческому прогрессу.

Итак, Руссо не верил в возврат к прошлому, к блаженным, сильно идеализированным временам первобытнообщинного строя, и не отстаивал такую возможность. Однако не исключал «возврат» в смысле воссоздания, обновления, развития утраченных добродетелей на качественно новой основе. Так Руссо угадывал диалектику отрицания отрицания. Но вытекала ли органически такая постановка вопроса из системы его рассуждений? Как увидим ниже, Энгельс ответил на этот вопрос

положительно. Его мнение полностью подтверждается текстами и логикой рассуждений Руссо.

Автор «Рассуждения о происхождении неравенства» не ограничивается одним лишь объяснением причин возникновения неравенства. Он прослеживает его развитие, возникновение все новых, более тяжелых форм порабощения народов. Подводя итоги своим размышлениям, Руссо делает вывод о неизбежности вооруженного выступления народа против поработителей, о неизбежности насильственной революции для уничтожения деспотизма и утверждения поправленных прав угнетенных. Заметим, что такая перспектива, такая цена желанных перемен страшила большинство французских просветителей. Идеи Руссо в данном вопросе перекликались с мыслями и предсказаниями выдающегося представителя плебейско-демократического направления во французском материализме XVIII века Мелье.

При чтении работ Руссо бросается в глаза, что, говоря о различных тиранах — императорах, кровавых султанах и т. п., он имеет в виду современный ему феодализм, современный ему режим абсолютной монархии. Французский просветитель отражает нарастающий гнев народных масс против феодального разбоя, против деспотического режима Бурбонов.

Руссо воспроизводит отвратительный лик крайнего деспотизма, который исключает всякую свободу и уравнивает всех в бесправии. «Это, — пишет Руссо, — последний предел неравенства и крайняя точка, которая замыкает круг и смыкается с нашею отправною точкою. Здесь отдельные лица вновь становятся равными, ибо они суть ничто; а так как у подданных нет иного закона, кроме воли их господина, а у него нет другого правила, кроме его страстей, то понятие о добре и принципы справедливости вновь исчезают; здесь все сводится к одному только закону более сильного и, следовательно, к новому естественному состоянию, отличающемуся от того состояния, с которого мы начали, тем, что первое было естественным состоянием в его чистом виде, а это последнее — плод крайнего разложения»¹⁵.

Власть деспота держится лишь голым насилием и только до тех пор, пока деспот сильнее поработенных. Ну а если поработенные обретут большую силу? Тогда,

естественно, они опрокинут своего деспота, имея на то все законные основания. Власть, которая держалась голым насилием, не имеет основания жаловаться, когда ее низвергают насильственно. Руссо завершает эту мысль знаменитыми словами: «Восстание, которое приводит к убийству или к свержению с престола какому-нибудь султана, — это акт столь же закономерный, как и те акты, посредством которых он только что распоряжался жизнью и имуществом своих подданных. Одной только силой он держался, одна только сила его и низвергает»¹⁶.

Рассуждения Руссо безоговорочно оправдывали революционное насилие ради ниспровержения деспотизма. Удивительные по ясности и целеустремленности мысли великого просветителя с позиций диалектической логики обосновывают необходимость коренных революционных преобразований. На это важнейшее обстоятельство обратил внимание Энгельс. Приведя цитированные выше мысли Руссо о превращении неравенства в равенство, в более высокое равенство общественного договора, когда сами угнетатели подвергаются угнетению, Энгельс констатирует у Руссо диалектическое положение — отрицание отрицания. «Таким образом, — пишет Энгельс, — уже у Руссо имеется не только рассуждение, как две капли воды схожее с рассуждением Маркса в «Капитале», но мы видим у Руссо и в подробностях целый ряд тех же самых диалектических оборотов, которыми пользуется Маркс: процессы, антагонистические по своей природе, содержащие в себе противоречие; превращение определенной крайности в свою противоположность и, наконец, как ядро всего — отрицание отрицания. Если, следовательно, Руссо в 1754 г. и не мог еще говорить на «гегелевском жаргоне», то, во всяком случае, он уже за 16 лет до рождения Гегеля был глубоко заражен чумой гегельянства, диалектикой противоречия, учением о логосе, теологией и т. д.»¹⁷.

Эта высокая оценка диалектического мышления французского просветителя оправдывается всем его творчеством. Представление Руссо об обществе неотделимо от его стремления видеть общественную жизнь в процессе непрерывного развития, изменения, восхожде-

¹⁵ Там же, с. 95—96.

¹⁶ Там же, с. 96.

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 144.

ния, от уверенности, что источник движения нужно искать в имманентных, внутренних противоречиях социально-политических процессов. Отметим еще раз, что диалектика у Руссо не приняла последовательно научной формы, не была подразделена на законы, категории, общие понятия, не была распространена на природу, на естественные явления. Это неоспоримо, но неоспоримо также и то, что Руссо сделал существенный шаг в развитии диалектического мышления, диалектического анализа социально-политических отношений.

Особое место в этой диалектической логике занимает идея неизбежного столкновения антагонистических сил и победы справедливого над несправедливым, отжившим, реакционным. Мыслитель кануна великой революции, ее вдохновенный глашатай, теоретик, Руссо понимал, что в сложившихся условиях революции и гражданские войны неизбежны и благотворны. «... Государство, — писал он, — пожираемое пламенем гражданских войн... возрождается из пепла и вновь оказывается в расцвете молодости, освобождаясь из рук смерти»¹⁸.

Диалектическая мысль Руссо не ограничилась лишь идеей имманентных противоречий, их перехода в свою противоположность, идеей отрицания. Исторически подходя к ряду важных проблем, он сделал важные выводы из этих диалектических констатаций. Из множества проблем остановимся лишь на одной, которая представляет большой интерес. Речь идет об историческом подходе к человеку, народу, государству.

Известно, что домарксистская мысль, как правило, оперировала понятием абстрактного, всегда себе равного человека, «человека вообще». Человек расценивался как биологическая особь, остающаяся в основе своей неизменным существом.

Нельзя сказать, что Руссо выработал сколько-нибудь последовательный, конкретно-диалектический подход к этой проблеме и полностью свободился от концепции абстрактного человека как существа неизменного. Но Руссо сделал ряд важных шагов к правильной постановке и правильному пониманию этого сложного вопроса. Он не достиг понимания сущности человека как совокупности всех общественных отношений, но утверждал, что человек, оставаясь неизменным как биологическое

существо, изменяется вместе с качественными преобразованиями общественного строя. «... Человеческий род, — писал Руссо, — в одну эпоху — это не род человеческий в другую эпоху, и потому причина, по которой Диоген никак не мог найти человека, заключена в том, что он искал среди своих современников человека времен уже минувших»¹⁹.

Для подтверждения своей мысли об изменемости социальной сущности человека, его потребностей, интересов, нравов, вкусов и т. д. Руссо сравнивает человека эпохи «естественного состояния» с цивилизованным человеком. «... Дикарь и человек цивилизованный настолько отличаются друг от друга по душевному складу и склонностям, что высшее счастье одного повергло бы другого в отчаянье»²⁰. Не ограничиваясь сказанным, Руссо достаточно отчетливо различает людей, принадлежащих к различным сословиям, с различными социально-политическими устремлениями.

В своих экономических, политических и педагогических суждениях Руссо часто сбивается на концепцию абстрактного человека, человека как такового. Но его ученики и последователи в эпоху французской революции 1789—1794 годов — Робеспьер, Марат, Сен-Жюст и другие якобинцы, перенявшие у своего учителя диалектический взгляд на человека, более глубоко и остро различали непримиримые классовые расхождения между людьми, сословиями и сделали необходимые для своей политической деятельности выводы.

Руссо распространял конкретный диалектический подход не только на людей, но и на этнические общности, пытался уловить особенности тех или иных народов, обусловленные как географическим положением, так и различиями в общественной организации. Рискую впасть в некоторые преувеличения, Руссо писал о национальном характере: «Первый принцип, из которого нам следует исходить, — это национальный характер: каждый народ имеет или должен иметь национальный характер; если бы не было его у народа, то пришлось бы начинать с того, чтобы ему такой характер дать»²¹.

Диалектический взгляд позволил Руссо понять изменчивость национального характера, определяющегося не

¹⁹ Там же, с. 96.

²⁰ Там же.

²¹ Там же, с. 268.

естественными, а общественными отношениями. Французский просветитель понимал, что даже наиболее возвышенные черты национального характера могут быть обезображены «рабством и тиранией»²², что во дворцах и хижинах пользуются различными вариантами национального языка и руководствуются различным пониманием чести, достоинства, добра и зла. Так в сфере затронутых вопросов диалектическое мышление придавало особую глубину суждениям и оценкам Руссо.

Руссо чувствовал диалектику взаимоперехода противоположностей. Маркс, изучая «Общественный договор» Руссо, внимательно следил за диалектическими оценками автора. Он полностью выписал и подчеркнул мысль Руссо о возможности превращения следствия в причину²³. Маркс также обратил внимание, что автор «Общественного договора» вплотную подходит к диалектике общего и особенного. «... Общие цели всякого хорошего первоустройства должны *видоизменяться* в каждой стране в зависимости от тех отношений, которые порождаются как местными условиями, так и отличительными особенностями жителей»²⁴. Отметил Маркс диалектический характер и многих других размышлений Руссо. Так, он выписал следующие его мысли: «У греков все, что народу надлежало делать, он делал сам; непрерывно происходили его собрания на площади... рабы выполняли его *работу*, главной заботой его была собственная свобода»; «Гражданин может быть совершенно свободен лишь тогда, когда раб будет до последней степени рабом... Вы же, народы новых времен, у вас вообще нет рабов, но вы — рабы сами; вы платите за их свободу своею»²⁵.

Основоположники марксизма, высоко оценивая Руссо, значение его революционных, насыщенных элементами диалектики идей, его роль в обосновании революционного низвержения феодальных порядков и абсолютной монархии во Франции, решительно отметали всякие попытки искажения и принижения французского революционного демократа. Так, в письме к И. Б. Швейцеру

Маркс резко возражал против сближения Руссо и Прудона. «Прудона, — писал он, — часто сравнивали с Руссо. Нет ничего ошибочнее такого сравнения... Прудон по натуре был склонен к диалектике. Но так как он никогда не понимал подлинно научной диалектики, то он не пошел дальше софистики»²⁶. Из этих слов правомерно заключить, что Маркс по достоинству оценил диалектику Руссо. В том же письме Маркс отмечал политическое приспособленчество Прудона, его тщеславие, заботу о минутном успехе. «При этом, — продолжал Маркс, — неизбежно утрачивается тот простой моральный такт, который всегда предохранял, например, Руссо от всякого, хотя бы только кажущегося компромисса с существующей властью»²⁷.

Маркс отверг также попытки натуралистического истолкования идеи Руссо об общественном договоре. Как уже говорилось, Руссо действительно идеализировал естественное состояние, но отнюдь не призывал возвратиться к пройденному примитивному этапу общественного развития. Отвергая подобное искажение сути вопроса, Маркс писал: «Ни в малейшей степени не покоится на таком натурализме и *contrat social* Руссо, который устанавливает путем договора взаимоотношение и связь между независимыми от природы субъектами. Это — иллюзия, и всего лишь эстетическая иллюзия больших и малых робинзонад. Это, скорее, предвосхищение «гражданского общества», которое подготовлялось с XVI века, а в XVIII веке сделало гигантские шаги на пути к своей зрелости»²⁸.

Мы постарались показать, что основная диалектическая идея Руссо касалась смены социального неравенства новой исторической фазой, которая должна была на качественно новой основе возродить равенство людей. Руссо не пришел к идее социализма, даже утопически понятого. Он был и остался убежденным защитником эгалитаризма, идеи равного распределения частной собственности между гражданами. Эта идея была нереальной, неосуществимой, но ее защита и пропаганда в условиях антифеодальной, антикрепостнической борьбы играли весьма прогрессивную роль. «...Идея равенства, —

²² Там же.

²³ Маркс К. Выписки из «Общественного договора» Ж.-Ж. Руссо. — См. Руссо Ж.-Ж. Трактаты, с. 479.

²⁴ Руссо Ж.-Ж. Трактаты, с. 480 (подчеркнуто Марксом. — *Ред.*).

²⁵ Там же, с. 484 (подчеркнуто Марксом. — *Ред.*).

²⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 30—31.

²⁷ Там же, с. 31.

²⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 709.

писал В. И. Ленин, — есть самое полное, последовательное и решительное выражение буржуазно-демократических задач... Идея равенства выражает всего цельнее борьбу со всеми пережитками крепостничества, борьбу за самое широкое и чистое развитие товарного производства»²⁹. Накануне антифеодальной революции страстная и убежденная борьба Руссо за эгалитаризм, за уничтожение всех и всяческих экономических, социальных и политических привилегий, за равенство людей была борьбой за социальный прогресс.

В конце XVIII века учение Руссо, его диалектические идеи покинули страницы трактатов и ворвались в бурную жизнь революционной Франции. Во многих программных речах и в действиях вождей якобинской диктатуры можно обнаружить блестящие диалектические мысли Руссо, его ненависть к обреченным антинародным общественным порядкам, готовность довести социально-классовые противоречия до их логического конца, его убеждение, что верное средство реализации исторического прогресса состоит в бескомпромиссной борьбе.

В. П. Волгин с полным основанием писал о якобинских вождях: «Если мы обратимся к тем речам и статьям, в которых они обосновывали свою политику, то в полной мере убедимся в том, что дальше эгалитаризма Руссо их социальные воззрения не шли. Крупнейшим политическим вождем якобинцев в эпоху диктатуры был Робеспьер. В многочисленных речах его социальные взгляды выявились в достаточной мере отчетливо. Что в основе их лежит теория Руссо, не подлежит никакому сомнению»³⁰.

Можно с уверенностью сказать, что ученики Руссо, заседавшие в революционном Конвенте, унаследовали не только ошибочные, исторически не обоснованные идеи своего учителя, но и сильные стороны его взглядов, его революционную страсть, диалектическую динамичность.

При всей своей исторической ограниченности, неразвитости диалектика Руссо продемонстрировала революционную суть и созидательные потенции диалектического мышления. Можно без преувеличения сказать, что выдающиеся представители диалектической мысли XIX столетия отдавали должное своему предшественнику.

²⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 15, с. 226.

³⁰ Волгин В. П. Очерки истории социалистических идей. М., 1975, с. 221.

Разрозненные, до конца не раскрытые у Руссо идеи о диалектических противоречиях, антиномиях, об отрицании отрицания, о скачкообразном переходе от одного качественного состояния к другому, идея перерыва непрерывности, взаимоперевода причины и следствия, диалектика общего и особенного, части и целого и многие другие важнейшие элементы диалектического мышления были систематизированы Кантом и в особенности Гегелем, хотя и на идеалистической основе. Маркс и Энгельс, создавая материалистическую диалектику, самым внимательным образом относились к идейному наследию Руссо.

Нельзя обойти молчанием непрекращающиеся попытки современных философов-идеалистов исказить революционную сущность учения Руссо, представить его принципиальным противником идеи исторического прогресса, социальным пессимистом, не верящим в возможность лучшего будущего человечества. Эти старые приемы извращения руссоизма ныне взяты на вооружение во Франции так называемыми новыми философами — А. Глюксманом, Б.-А. Леви, Ж.-М. Бенуа и др. Смысл творчества Руссо эти философы видят в стремлении опровергнуть идею восходящего развития человеческой истории. В искаженном освещении «новых философов» Руссо предстает мыслителем, который зовет людей к блаженным временам «естественного состояния». Такое толкование Руссо продиктовано убеждениями самих «новых философов» — принципиальных противников социального прогресса. Не очень считаясь с фактами, с реальной картиной исторического процесса, они утверждают, что человечество развивалось «от плохого к худшему». Этот пафос отрицания прогресса обусловлен желанием доказать, что капитализм по сравнению с социализмом является лишь «меньшим злом». Для того чтобы придать большую основательность своим антисоциалистическим взглядам, «новые философы» апеллируют к авторитету ложно толкуемого Руссо. Так, А. Глюксман и Б.-А. Леви противопоставляют «мудрого Руссо» другим представителям французского Просвещения с их «несбыточной» верой в возможность неограниченного прогресса, с их фанатичным преклонением перед разумом, прославлением рационализма, с их убеждением в возможности и необходимости утверждения более разумно организованного общества.

Мы уже отметили, что Руссо звал к «естественному состоянию», но не к прошедшему «естественному состоянию», а к новому обществу равных и свободных людей, к подлинному народоправии. Этот идеал был связан не с уничтожением цивилизации вообще, а с созданием новой цивилизации, в которой достижения социального прогресса не будут обусловлены порабощением большинства. Таким образом, если не играть словами, не раздувать и абсолютизировать отдельные противоречия, слабые стороны, терминологические неточности Руссо, становится ясным, что французский мыслитель, обосновывая создание нового общества, оправдывал его утверждение на путях революционного преобразования. Руссо критиковал не цивилизацию, а ее извращение — к этому выводу склоняются исследователи, стремящиеся объективно и непредвзято оценить творчество французского просветителя. И. Верцман пишет: «Руссо, огорченный положением беднейшей части общества, именно «слева» критиковал цивилизацию, но лишь в первом своем трактате; из следующих легко сделать вывод, что историю вспять не повернешь, что ход истории от низших, примитивных, пусть более счастливых стадий к высокоразвитому, просветленному разумом гражданскому обществу, пусть менее счастливому, несет блага для всех людей»³¹.

«Новые философы», которые страшатся всякого социального прогресса и предают анафеме саму идею революции, приписывают Руссо собственные взгляды. Идя по этому пути, Б.-А. Леви утверждает, что идея справедливого общества Руссо не более чем абсурдная мечта, а вся система французского просветителя — «боевая машина борьбы против прогресса»³². Леви и его единомышленники, охваченные желанием сразить идею исторического прогресса, пытаются, не считаясь с фактами, превратить Руссо в своего союзника. В «Эмиле» Руссо с полной убежденностью заявляет, что невзгоды, от которых страдают люди, излечимы; Леви же утверждает, что «Эмиль» пронизан убеждением, будто идея справедливо организованного общества — абсурдная мечта.

Наряду с исследователями, которым удается уловить диалектику в мышлении Руссо, разобраться в его про-

тиворечиях³³, немало авторов, которые, произвольно толкуя высказывания Руссо, разрывая цепь его диалектических построений, выхватывая и абсолютизируя отдельные его ошибочные мысли, стремятся с помощью французского мыслителя обосновать необходимость борьбы против «демонической техники», изобразив ее главной виновницей бедствий, порожденных капиталистической цивилизацией³⁴.

Бряд ли имеет смысл серьезно защищать Руссо от старых и «новых» философов, которые во имя своих прагматических, классово-корыстных целей ополчаются против истины. Можно с уверенностью сказать, что все попытки извратить диалектическую мысль Руссо в целях обоснования реакционных, антинаучных решений обречены на полный провал. Творчество Руссо принадлежит науке и социальному прогрессу.

³³ *Le cercle J.-L., J. J. Rousseau. Modernité d'un classique.* Paris, 1913.

³⁴ См. Рыжков М. К. Социальная философия Ж.-Ж. Руссо в свете современных исследований. — Вопросы философии, 1976, № 11.

Руссо Ж.-Ж. Избранные сочинения. Составитель И. Е. Верцман, т. I—III, М., 1961.

Руссо Ж.-Ж. Трактаты. Изд. подготовили В. С. Алексеев-Попов, Ю. М. Лотман, Н. А. Полторацкий, А. Д. Хаютин. М., 1969.

Алексеев-Попов В. С. О социальных и политических идеях Ж.-Ж. Руссо. — Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969.

Асмус В. Ф. Ж.-Ж. Руссо. М., 1962.

Бернадинер Б. М. Социально-политическая философия Ж.-Ж. Руссо. Воронеж, 1940.

³¹ *Верцман И. Жан-Жак Руссо.* М., 1976, с. 294.

³² *Lévy B.-H. Barbarie à visage humain.* Paris, 1977, p. 38.

- Верцман И. Е. Ж.-Ж. Руссо. М., 1976.
 Грацианский П. С., Куркин Б. А. Политические идеи Ж.-Ж. Руссо. — Советское государство и право, 1978, № 11.
 Дворцов А. Т. Ж.-Ж. Руссо. М., 1980.
 Засулич В. И. Ж.-Ж. Руссо. Опыт характеристики его общественных идей. М., 1923.
 Кашаровский Л. А. К литературе о Руссо. М., 1888.
 Кечекьян С. Ф. Ж.-Ж. Руссо — великий французский просветитель XVIII в. — Вопросы философии, 1962, № 7.
 Крупская Н. К. Ж.-Ж. Руссо — Крупская Н. К. Народное образование и демократия. М.—Пг., 1919.
 Лотман Ю. М. Руссо и русская культура XVIII — начала XIX в. — Ж.-Ж. Руссо. Тракаты. М., 1969.
 Манфред А. З. Ж.-Ж. Руссо — предвестник революции. — Вопросы истории, 1964, № 1.
 Манфред А. З. Молодой Руссо. — Новая и новейшая история, 1974, № 4.
 Манфред А. З. Три портрета эпохи Великой французской революции. М., 1979.
 Мамджян Х. Н. Провозвестник свободы и равенства. К 250-летию со дня рождения Ж.-Ж. Руссо. — Культура и жизнь, 1962, № 6.
 Плеханов Г. В. Ж.-Ж. Руссо и его учение о происхождении неравенства между людьми. — Соч., т. 18. М.—Л., 1925.
 Розанов М. Н. Ж.-Ж. Руссо и литературное движение конца XVIII и начала XIX в. М., 1910.
 Розанов М. Н. Руссо и Толстой. Л., 1928.
 Роллан Р. Ж.-Ж. Руссо. — Интернациональная литература, 1939, № 3—4.
 Рыклин М. К. Социальная философия Ж.-Ж. Руссо в свете современных исследований. — Вопросы философии, 1976, № 11.
 Станков С. С. Линней, Руссо, Ламарк. М., 1955.

* * *

- Rousseau J.-J. Oeuvres complètes, t. 1—13. Paris, 1887—1908; Les pages immortelles, choisies et expliquées par R. Rolland. Paris, 1938.
 Airaghi M. A. Rousseau. Firenze, 1974.
 Ahrbeck R. J.-J. Rousseau. Leipzig, 1978.
 Ansart-Dourlen M. Denaturation et violence dans la pensée J.-J. Rousseau. Paris, 1975.
 Baczek B. Rousseau: samotność i wspólnota. Warszawa, 1978.
 Brandt R. Rousseau's Philosophie der gesellschaft. Stuttgart, 1973.
 Chanteur J. Desir et communauté politique, selon J.-J. Rousseau. Studjes philos. Paris, 1980, N 2.
 Della Volpe, Galvano. Rousseau e Marx e altri saggi di critica materialistica. Rome, 1957.
 Ganochaud C. L'opinion publique chez J.-J. Rousseau. Lill, 1980.
 Gouhier H. Les meditations metaphysiques de J.-J. Rousseau. Paris, 1970.
 Gresson A. J.-J. Rousseau. Sa vie son oeuvre avec un exposé de la philosophie. Paris, 1962.
 Havens G. R. J.-J. Rousseau. Boston, 1978.
 Josephson M. J.-J. Rousseau. New York, 1979.
 Launau M. J.-J. Rousseau et son temps. Paris, 1969.

- Lecerclé J.-L. J.-J. Rousseau. Modernité d'un classique. Paris, 1973.
 Mounteano B. Solitude et contradictions de J.-J. Rousseau. Paris, 1975.
 Mara G. M. Rousseau's two models of political obligation. — Western political quart. Salk Lake city, 1980, N 4.
 Melzer A. M. Rousseau and the problem of bourgeois society. — Amer. polit. science rev. Menacha, 1980, N 4.
 Namer G. Rousseau sociologue de la connaissance, t. 1—2. Lill, 1979.
 Namer G. Le sytème social de Rousseau: De l'inégalité économique à l'inégalité politique. Paris, 1979.
 Reappraisals of Rousseau: Studies in honor of R. A. Leigh. Manchester, 1980.
 Rieu A. M. La nature de J.-J. Rousseau. — Revue de métaphysique et de morale. Paris, 1980, N 4.
 Sènelier J. Bibliographie générale des oeuvres des J.-J. Rousseau. Paris, 1950.
 Schulz K. D. Rousseaux Eigentumskonzeption. Frankfurt am Mein, 1980.
 Sheroverb Ch. M. Rousseau's civil religion. — Interpretation. The Hague, 1980, N 3.